I. К столетию Русской революции (5)

Леонид Люкс

Краткие заметки к спорам о Русской революции: вместо вступления*

Споры о причинах и о характере Русской революции, которым посвящена данная рубрика *Форума*, начались непосредственно после свержения царя и продолжаются до сих пор. Казалось бы, что ничего необычного в этом нет. Ведь споры о Великой французской революции длятся намного дольше, и конца им не видно. Однако между французской и русской революцией существует одно принципиальное различие: революционный цикл завершился во Франции после 25 лет, т.е. в течение одного поколения, реставрацией. В России же свидетелями революционного цикла стало несколько поколений. Ни одна из европейских революций не удержалась у власти так долго, как большевистская, ни одна не пустила таких глубоких корней. Но была ли победа большевиков в октябре 1917 г. чем-то неизбежным? Являлся ли большевистский переворот логическим завершением «Февраля»? Так считают многие аналитики, которые упоминаются в статьях этой рубрики и которым я хотел бы в этом кратком вступлении уделить некоторое внимание.

Одним из приверженцев такой точки зрения является и Александр Солженицын. В своей книге *Двести лет вместе*[1], посвященной русско-еврейским отношениям, писатель говорит о зловещей роли самого влиятельного органа революции – Центрального Исполнительного комитета Петроградского совета, который, якобы, пытался повернуть революцию на путь растущего радикализма. Эту губительную для России установку Солженицын объясняет преимущественно нерусским составом руководства Петросовета, где инородцы (евреи, кавказцы, поляки и другие) играли непропорционально большую роль.

Это утверждение Солженицына ставит реальное положение вещей с ног на голову. Ведь именно этот, якобы нерусский, Петросовет в первые месяцы Февральской революции прилагал немало усилий к тому, чтобы утихомирить радикально-революционный порыв, который охватил тогда широкие слои именно русского народа. Ради того, чтобы, действуя совместно с буржуазно-либеральными си-

---

* Этот текст опирается частично на мою статью «Демократия, которая не сумела себя защитить: к 95-летию Февральской революции» ранее опубликованной в *Форуме* (2011. № 2).

[1] Солженицын А. Двести лет вместе (1795 – 1995). В 2-х тт. М., 2001-2002.

лами, ввести в определенные рамки эту волну анархии, умеренные руководители советов даже вступили во Временное правительство. Потому-то Петросовет и утратил популярность в массах. Народные слои все меньше прислушивались к уговорам умеренных социалистов, призывавших к сдержанности. И отнюдь не случайно такие ленинские призывы, как «грабь награбленное», нашли у русских крестьян куда более сочувственный отклик, чем предостережения умеренного руководства советов от чересчур радикальных требований.

Не менее радикально, чем Солженицын, критикует Февральскую революцию и блестящий публицист Петр Струве. Струве, по существу, не делает качественных различий между демократической фазой Русской революции (февраль-октябрь 1917 г.) и начавшейся после большевистского государственного переворота тоталитарной фазой: «духовно, морально-культурно и политически, революция 1917 и последующих годов есть объективно и существенно единый процесс». Струве отмечает при этом «реальный большевистский дух всей революции»[2].

Это смешение демократических и тоталитарных аспектов Русской революции едва ли оправдано. Февральская революция представляла собой кульминацию начавшейся в декабре 1825 г. (восстание декабристов) борьбы русского общества против государственного патернализма. Она завершила начавшийся в 1905 г. процесс превращения России в плюралистическое государство, основанное на разделении властей и признании основных прав. Она устранила все сословные привилегии, гарантировала полную религиозную свободу и свободу слова.

То, что этот новый строй просуществовал недолго, было связано со многими ошибками и неиспользованными возможностями «первой» русской демократии. Но такой ее конец не был ни в коем случае предопределен – существовали и другие возможности разрешения тогдашнего революционного кризиса. Но это, однако, совершенно другая история. Намного важнее тот факт, что большевистская фаза Русской революции, в отличие от утверждений Струве, основывалась на качественно противоположных принципах, чем «Февраль». Самый свободный за всю русскую историю общественный строй сменился самым несвободным.

Крах первой русской демократии многие ее западные критики объясняли своеобразием политической культуры России, неспособностью общества к самостоятельному, независимому от государства развитию, патриархальными навыками и пр. Александр Керенский описывает в своих воспоминаниях разговор, который он в 1923 г. провел с одним из вождей немецкой социал-демократии Рудольфом Гильфердингом. Гильфердинг не мог понять, почему русские демократы так легкомысленно выпустили из рук власть, которую они захватили после падения династии Романовых. Такое в Германии было бы невозможно, утверждал немецкий

[2] Струве П. Прошлое, настоящее, будущее: мысли о национальном возрождении России / его же. Избранные сочинения. М., 1999. С. 320, 323.

политик: «Ваш народ просто не в состоянии жить в условиях свободы»[3]. Десять лет спустя, пишет Керенский, Гильфердинга ожидала та же участь, как и российских демократов. Он должен был бежать из своей страны, которая так же, как и Россия, попала в тоталитарное рабство.

И действительно, гибель демократии в России предвосхитила всего лишь на несколько лет гибель демократии во многих других станах Европы, и этот факт подтверждает тесную связь между Россией и Западом, которая наблюдается по крайней мере со времени петровских реформ. В эпоху между двумя мировыми войнами не только в России, но и на Западе многие страны не сумели построить демократию, умеющую себя защищать (по-немецки: «wehrhafte Demokratie»).

[3] Die Kerenski-Memoiren: Russland und der Wendepunkt der Geschichte. Wien, Hamburg, 1966. P. 540.